

Элегия в творчестве В. А. Жуковского: к вопросу об авторской реализации жанрового канона

Элегия — господствующий жанр в лирике начала XIX в. Элегии, как и любому другому жанру, присуща изменчивость. С. В. Горин, определяя основные параметры границ жанра элегии, пишет: «...ранее устойчивые жанровые образования (“элегия была прежде всего предназначена для скорбного пения над умершими” [14, с. 366]) постоянно модернизируются в индивидуальном творчестве автора, что проявляется не только в разнообразии тематического содержания, но именно в формальном отношении: композиция, эстетическая эмоция, художественное время» [5, с. 140].

Именно выделение постоянных (содержательных и формальных) жанровых признаков элегии вызывает большинство споров и рождает многочисленные теории: о внутренней мере жанра (С. В. Горин [5]), жанровом архетипе (О. В. Зырянов [6]), «абсолютном сценарии» (горизонте максимальной выполнимости жанрового задания) (Е. В. Толстогузова [12]) и др.

В последние годы получает распространение теория о «смешанных эмоциях» как доминирующем жанрообразующем признаке элегии. Одним из первых об этом пишет В. Э. Вацуро: «Душа, захваченная страстью или подавленная страданием, либо вовсе не способна к самовыражению, либо изливает себя в одическом лиризме и в бурной энергии трагического монолога; но, когда она выходит из этого состояния, в ней пробуждаются исконно присущие ей противоположные ощущения, смягчающие и умеряющие страдание. Это и есть “смешанные ощущения” (*vermischte Empfindungen*) в отличие от “чистого” чувства, присущего оде, и выражение их принимает форму жалобы и сочувствия. Возникает психологическая ситуация элегии...» [3, с. 17–18].

Согласно Л. Г. Фризману, в XVIII и начале XIX в. разные теоретики поэзии по-разному определяют жанровое своеобразие элегии. Одни акцентируют печальное содержание, которое непременно должно быть ей присуще, другие считают уделом элегии выражение смешанных

чувств. Порой обе точки зрения перекрещиваются, одни и те же авторы «отдают должное» и той, и другой [13, с. 6].

О. В. Зырянов указывает на то, что «именно *смешанные ощущения* становятся “ядерным” феноменом жанра, определяющим исходную ситуацию элегии» [6, с. 111].

Элегия, рожденная еще в недрах классицизма, когда господствовало превосходство разума над чувством, достигла наивысшего расцвета в романтизме, так как в наибольшей степени, по сравнению с другими жанрами, отвечала поставленным задачам выражения внутреннего мира человека. Для романтической элегии было характерно одновременное присутствие в сознании героя разных по эмоциональной окраске переживаний, исключающее однозначность чувства.

В лирике В. А. Жуковского элегия занимает особое значительное место. При этом сам автор большинство элегий оставляет без жанрового определения. Сохранившийся среди бумаг Жуковского перечень задуманных элегий (по времени относящийся к 1804–1805 гг.) показывает, что поэт намеревался дать серию поэтических изображений душевных состояний личности, показав разные стороны и грани ее внутреннего мира («Отсутствие», «Первое впечатление», «Присутствие», «Уединение», «Мечты», «Музыка», «Ручей»). Выполнение этого замысла ограничилось созданием лишь одной элегии, озаглавленной в перечне «Ручей», в окончательном виде получившей название «Вечер» (1806), которая синтезирует все самое ценное из обширных замыслов поэта [7, с. 112].

Несмотря на то, что «Вечер» является бесспорным шедевром элегического творчества поэта (учитывая и то, что это первая оригинальная, а не переводная элегия), нас интересует весь опыт, накопленный Жуковским в этом жанре.

В сборник «Русская элегия XVIII — начала XX века» вошло 6 элегий Жуковского (не считая второй редакции «Сельского кладбища»). Среди них: «Сельское кладбище» (первая редакция перевода из Т. Грея), «Вечер», «На смерть фельдмаршала графа Каменского», «Славянка», «На кончину ее величества королевы Виртембергской», «Море» [10].

При этом, как отмечено в «Биографическом справочнике авторов» к сборнику, «многие стихи, которые современные ему поэты, несомненно, отнесли бы к элегиям, Жуковский называл песнями» [Там же, с. 610].

Подобное сближение жанров и даже возможная для поэта замена наименования жанра «указывает на генетическую связь элегии с погребальным и поминальным обрядами» (надгробная песнь). Это то, что, по мнению Г. П. Козубовской, составляет «мифологический архетип» жанра

[9, с. 3]. «Песней грустного содержания» называл элегию В. Г. Белинский, чье определение легло в основу большинства трактовок жанра. По мнению критика, «элегия-песня сделалась исключительным родом лирической поэзии» [2, с. 52].

И. М. Семенко указывает, что героиней «Песен» Жуковского является М. А. Протасова («Когда я был любим...», «Мой друг, хранитель-ангел мой...», «О милый друг, теперь с тобою радость!...») [11, с. 16]. Сюда же относится песня «Минувших дней очарованье...» и ряд других.

При этом содержание песен Жуковского действительно связано с утратой (любви, счастья, юности), но к надгробной песне наиболее близки его элегии «на смерть» («На смерть А(ндрея) Тургенева»), «На смерть Е. М. Соковниной», «На смерть фельдмаршала графа Каменского», «На кончину ее величества королевы Виртембергской», «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны» и др.).

То, что Жуковский — автор значительного числа элегий, не вызывает сомнений и у В. С. Баевского, однако перечня всех элегий поэта он также не дает. В. С. Баевский отмечает, что «многочисленные элегии, написанные Жуковским после “Сельского кладбища”, такие как “Вечер”, “Славянка”, “Море”, “Невыразимое”, “К мимопролетевшему знакомому гению”, “Я музу юную, бывало...”, “Таинственный посетитель”, оказали решающее влияние на становление русской элегии и даже, если говорить сильнее, русской классической поэзии. Особенно это относится к “Невыразимому” и «Я музу юную, бывало...» [1, с. 63].

Нельзя обойти вниманием и капитальное исследование А. Н. Веселовского [4]. Некоторые замечания ученого по поводу отдельных стихотворений Жуковского имеют прямое отношение к теории о «смешанных эмоциях» (особенно там, где он говорит о меланхолии). Однако, подробно анализируя поэтические произведения Жуковского, Веселовский обходит стороной вопрос об их жанровой природе. Его интересует поэзия Жуковского в целом, как «поэзия сердца», безотносительно к жанру: ученый зачастую избегает применения любых жанровых определений, ограничиваясь лаконичным наименованием «стихотворение».

Отдавая должное вкладу ученого в изучение творчества Жуковского, отметим, что его работа не дает возможности пополнить перечень элегий, созданных поэтом. Но подобное «игнорирование» жанра вовсе не умаляет заслуги Веселовского в исследовании поэтического наследия Жуковского.

В. Э. Вацуро считает, что «исключительную роль в становлении элегической школы сыграло произведение “Мечты” (первоначальное

название “Отрывок. (Подражание)”, перевод “Идеалов” Шиллера, 1812 г.». Ученый отмечает, что «кульминация элегических настроений приходится на май 1806 г.: в это время пишутся “Песня” (“Когда я был любим...”), “Ода Сафы к Фаону”, “Идиллия (подражание Шиллеру)” (“Когда она была пастушкой простой...”), “Прощанье старика” (содержит вариант концепции “Отрывка”, незаконченный перевод из Парни), “Вечер”» [3, с. 75]. При этом многие из названных произведений Жуковского не являются элегиями, хотя и обладают элегической окраской.

В монографии В. Н. Касаткиной «Поэзия Жуковского» элегиям посвящена целая глава. Она указывает на то, что «элегическая стихия окрашивает все его творчество, все разновидности его лирики» [8, с. 15]. «Подступами к элегии» В. Н. Касаткина называет *элегические стихотворения* В. А. Жуковского «Мир» (1800) и «Человек» (1801), так как в них «он впервые нашел элегическую метрическую форму — шестистопный ямб, который и станет преобладающим в этом жанре и войдет в самые знаменитые образцы». Образцом жанра В. Н. Касаткина считает «Сельское кладбище» (1802), названное самим Жуковским «элегией».

Исследователь отмечает, что элегии Жуковского, как правило, сопровождаются «этическими выводами», напоминающими философские максимы, которые постепенно приобретают форму личных переживаний [Там же, с. 18]. «Глубоко личными» стихотворениями она считает «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и друзьям моим», «На смерть А(ндрея) Тургенева», «К К. М. С(оковниной)». Последнее представляет собой *элегический сонет*. В. Н. Касаткина характеризует его в духе теории о «смешанных эмоциях». Она пишет: «Элегический сонет «К К. М. С(оковниной)» запечатлел *диалектику* нравственных *переживаний* наслаждения в скорби, душевных страданий и надежд» [Там же, с. 19].

Кроме элегического сонета, исследователь выделяет *элегическую балладу* «Теон и Эсхин», *элегическое послание* «К Филалету», а также ряд *элегических стихотворений* («Певец», «Невыразимое»).

Как справедливо отмечает Е. В. Толстогузова, «элегичность осознавалась как фермент, закваска лиризма как такового» [12, с. 5]. Сложность поставленной перед нами задачи и заключается в том, что «элегические настроения» (В. Э. Вацуро) или «элегический модус художественности» (О. В. Зырянов) охватывают и другие жанровые формы.

Поэтому мы можем говорить о том, что элегическое наследие Жуковского неоднородно с точки зрения «чистоты» жанра. Значительное число элегий поэта выполнено в элегическом модусе. К таким элегиям

относятся элегии-песни, элегические сонеты, элегические баллады, элегические послания — одним словом, все те элегии, которые находятся на границе с другими жанрами либо именуются исследователями как элегические стихотворения.

К «чистым» элегиям мы относим те, которые автор сам определяет как элегии. Авторскую помету «элегия» имеют лишь пять стихотворений В. А. Жуковского: «Сельское кладбище», «Вечер», «Славянка», «Море», «На кончину ее величества королевы Виртембергской». Кроме того, это элегии, написанные «на смерть» кого-либо, так как они напрямую обращены к «памяти жанра». Сюда же следует отнести и те произведения, которые большинством исследователей признаны элегиями. Однако точка в этом вопросе еще не поставлена, и список элегий В. А. Жуковского всегда может быть скорректирован и дополнен.

-
-
1. *Баевский В. С.* История русской поэзии: 1730–1980 гг. Смоленск, 1994.
  2. *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1954. Т. 5.
  3. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. СПб., 1994.
  4. *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
  5. *Горин С. В.* «Внутренняя мера» элегического жанра в новоевропейской литературе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 107. С. 139–145.
  6. *Зырянов О. В.* Границы жанра: Элегия в творческом сознании А. С. Пушкина // Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003.
  7. *Иезуитова Р. В.* В. А. Жуковский // История русской литературы : в 4 т. Л., 1981. Т. 2.
  8. *Касаткина В. Н.* Поэзия В. А. Жуковского. М., 2002.
  9. *Козубовская Г. П.* Русская поэзия первой трети XIX в. и мифология: (Жанровый архетип и поэтика). Самара ; Барнаул, 1998.
  10. Русская элегия XVIII — начала XX века : сб. Л., 1991.
  11. *Семенко И. М.* В. А. Жуковский // Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1: Стихотворения. М. ; Л., 1959.
  12. *Толстогузова Е. В.* Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2009. № 3 (7). С. 5–11.
  13. *Фризман Л. Г.* Два века русской элегии // Русская элегия XVIII — начала XX века : сб. Л., 1991.
  14. *Шеллинг Ф. В. Й.* Философия искусства. М., 1966.